

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ПРАВООЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Вердиян Григорий Вачаганович - кандидат юридических наук, доцент
Российской правовой академии Министерства юстиции России**

Статья посвящена изучению места и роли принципа добросовестности в современном гражданском праве. Данное понятие исследуется в связи с рассмотрением отдельных гражданских правоотношений. Существует ряд гражданских правоотношений, где значение добросовестности не исследовалось должным образом, например в обязательствах, вследствие неосновательного обогащения или в отношениях по признанию сделок недействительными. В статье делается вывод о том, что в российском гражданском законодательстве есть нормы, где законодатель специально указывает на ничтожность условий договора, противоречащих принципу добросовестности. Как правило, речь идет о тех сделках, где наиболее высока вероятность ущемления интересов одной из сторон.

Ключевые слова: добросовестность, принцип гражданского права, справедливость, разумность, Гражданский кодекс, добросовестный приобретатель, владение, собственность.

Articolul analizează locul și rolul principiului bunei-credințe în dreptul civil modern. Acest concept este investigat în legătură cu luarea în considerare a relațiilor civile individuale. Există o serie de raporturi juridice civile, în cazul cărora principiul de bună-credință nu a fost investigat în mod corespunzător, cum ar fi obligațiile ca urmare a îmbogățirii fără justă cauză sau în ceea ce privește recunoașterea tranzacțiilor nule. Articolul concluzionează că, în dreptul civil rus sunt norme juridice, în care legiuitorul indică în mod intenționat nulitatea clauzelor contractuale, contrar principiului bunei-credințe. De regulă, este vorba despre acele tranzacții, în care cel mai probabil poate fi adus prejudiciu intereselor uneia dintre părți.

Cuvinte cheie: bună-credință, principiu de drept civil, echitate, rezonabilitate, Codul civil, cumpărător de bună-credință, posesie, proprietate.

Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), содержащие понятие добросовестности либо недобросовестности, как оценочные категории являются вспомогательными по отношению к нормам, предусматривающим ответственность лица за наступившие последствия (применить там, где мы ссылаемся на автора, называющего указанные нормы зонтичными).

Как представляется, пределы применения указанной оценочной категории в гражданском праве и законодательстве России напрямую зависят от наступивших послед-

ствий, поскольку не всякое недобросовестное поведение субъекта отношений является следствием ненаступления ожидаемых последствий, установленных договором или законом. Судебной защите подлежат лишь те права, которые не наступили либо наступили вопреки условиям договора или установленных законом правил и существенно отличаются от тех, на наступление которых рассчитывала сторона, и что не последовало в результате недобросовестного поведения (злоупотребления правом) субъекта отношений. Отдельно следует остановиться на всту-

пившем в силу 1 марта 2013 г. Федеральном законе от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», который ввел в текст ГК РФ понятие принципа добросовестности, чего не было ранее. Согласно данному Закону ключевая для понимания правовой природы и содержания понятия «добросовестность» статья 10 ГК РФ была изложена в новой редакции.

В науке гражданского права и комбинационный подход подвергается критике. Так, по мнению М.А. Григорьевой, «содержание субъективного гражданского права не может включать в себя возможность распоряжения поведением обязанного лица, а только возможность свободы поведения самого управомоченного субъекта». В современной юридической литературе суть возражений в отношении этого подхода сводится к тому, что «смысл и ценность абсолютного права заключены не в том, что кто-то другой обязан что-то сделать (или не сделать), а в том, что управомоченный субъект вправе сам осуществлять такие действия, которые никто, кроме него, не может реализовать», а в относительном правоотношении в большинстве случаев нельзя сказать, что «наряду с возможностью требовать от обязанного лица каких-то действий управомоченное лицо обладает возможностью самостоятельно осуществить свое право». Думается, изложенная критика недостаточно аргументирована и обедняет содержание субъективного гражданского права, не учитывает его многогранности в рамках существующего правоотношения (абсолютного или относительного). Следуя этой критике, придется признать, что в абсолютном правоотношении управомоченное лицо будет обладать правом, которое третьи лица могут не учитывать в своем поведении, а в относительном правоотношении управомоченное лицо никак не может быть активным. Такое положение дел противоречит самой практике правоосуществления.

Вместе с тем в науке не всеми учеными разделяется мнение о возможности включения в содержание субъективного права правомочия на защиту этого права. Критические

замечания основаны на том, что, во-первых, «правомочие на защиту субъективного права не может входить внутрь самого же, защищаемого при его посредстве, субъективного права (поскольку возможность защиты имеет своим предметом все субъективное право в целом, такая возможность не может существовать, будучи частью этого же целого». Во-вторых, это не позволяет разграничить правоотношения на регулятивные и охранительные и приведет к необоснованному выводу о том, что возможность защиты всякого субъективного права принадлежит управомоченному еще до нарушения этого права. В-третьих, «возможность защиты субъективного права возникает одновременно и из одного с ним основания», что означает безжизненность правомочия на защиту до правонарушения¹. В-четвертых, «началом течения исковой давности следует признать момент возникновения субъективного права, а не момент его нарушения», что противоречит содержанию института исковой давности. В-пятых, возможность защиты права не может принадлежать лицу иному, чем то, которому принадлежит право, что противоречит существу охранительных правоотношений².

В современном гражданском праве понятие добросовестности исследуется, как правило, в связи с рассмотрением отдельных гражданских правоотношений. Такое многообразие проявления категории добросовестности, по мнению Т.Ю. Дроздовой, требует систематизации знаний о ней, а также определения практического значения данной категории в гражданских правоотношениях³.

Отраслевую реализацию принципа добросовестности в гражданском праве России невозможно анализировать без уяснения этого понятия в механизме гражданско-правового регулирования. Роль принципа добросовест-

¹ См.: Лагуткин А.В. Россия на распутье: куда пойдем? // Международный академический журнал Российской академии естественных наук. 2013. № 4.

² См.: Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и сфера частных интересов // Образование и право. 2012. № 12(40).

³ См.: Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве / Дисс...канд. юрид. наук. – Иркутск, 2004. – С. 31-32.

ности, на наш взгляд, может быть уяснена из буквального толкования ст. 6 ГК РФ, согласно которой требования добросовестности, разумности и справедливости не относятся (выделено нами. – Г.В.) к общим началам и смыслу гражданского законодательства. При этом необходимо заметить, что в теории аналогия права традиционно основывается на правовых принципах⁴.

В соответствии с п. 2 ст. 1102 ГК отношения вследствие неосновательного обогащения возникают между сторонами вне зависимости от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли. Это означает, что при рассмотрении спора о взыскании неосновательного обогащения суды не должны учитывать, в частности, наличие вины обогатившегося лица (т.е. в его действиях при приобретении имущества отсутствовала та степень заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по условиям оборота) или же виновность (например, в форме неосторожности) в действиях потерпевшего. Например, по одному из дел истец предъявил к ответчику требование о взыскании неосновательного обогащения. Истец указал, что во исполнение договора поставки, заключенного между ним и ответчиком, им были перечислены денежные средства, составляющие сумму предварительной платы по договору. Указанный платеж был совершен по ошибочным реквизитам, а именно денежные средства были перечислены на иной расчетный счет ответчика, чем тот, который был указан в договоре. Повторным платежом истец перечислил ответчику денежные средства на счет, указанный в договоре. Впоследствии у банка, в котором был открыт счет, на который истец ошибочно перечислил денежные средства, была отозвана лицензия на право осуществления банковских операций и в отношении него было возбуждено дело о несостоятельности⁵.

⁴ См.: Шиндяпина Е.Д., Бошно С.В. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юрист. 2006. № 7. – С. 7.

⁵ См.: Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и сфера частных интересов // Образование и право. 2012. № 12(40).

Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, указав, что в данном деле ответчик не приобрел имущество в пользование, так как остаток по расчетному счету в банке-банкроте им снят не был. Апелляционный суд оставил решение суда в силе, указав, что в действиях ответчика отсутствует вина, ошибочное перечисление денежных средств произошло по вине самого истца. Окружной суд отменил состоявшиеся по делу судебные акты и удовлетворил иск, указав, что в силу п. 2 ст. 1102 ГК характеристика действий лиц, являющихся участниками спора о неосновательном обогащении, не имеет правового значения. Кроме того, ответчик является единственным лицом, имеющим право требования от банка возврата ошибочно уплаченной денежной суммы в рамках конкурсного производства (см. постановление ФАС МО от 20.09.2005-Н КГ-А40/8704-05).

В другом деле тот же окружной суд дал более подробное толкование п. 2 ст. 1102 ГК, указав, что указанная норма права устанавливает обязанность возвратить неосновательно приобретенное имущество независимо от вины потерпевшего, приобретателя либо третьих лиц (см. постановление ФАС МО от 18.09.2005 N КГ-А40/7365-05).

Еще в одном деле истец обратился в суд с иском о взыскании с государственного органа неосновательно полученной арендной платы по договору аренды земельного участка. Истец указал, что он являлся арендатором земельного участка, на котором были расположены несколько зданий, принадлежащих ему на праве собственности. В отношении одного из объектов им заключен договор купли-продажи, по которому право собственности на здание, а также право пользования земельным участком под зданием перешло к третьему лицу. Однако границы земельного участка, являвшегося предметом договора аренды, заключенного с ответчиком, изменены не были, арендная плата вносилась истцом в прежнем размере. Ответчик возражал против удовлетворения иска, указывая, что изменения границ участка не произошло по вине самого истца, так как им не была предоставлена информация об отчуждении здания, располо-

женного на арендуемом им земельном участке. Суд удовлетворил исковые требования, отметив, что возражения ответчика не основаны на нормах гл. 60 ГК, так как в соответствии с п. 2 ст. 1102 ГК наличие или отсутствие вины в действиях потерпевшего не имеет правового значения (см. постановление ФАС СЗО от 14.07.2005 N А56-7160/04)⁶.

В другом споре государственный орган требовал уплаты с ответчика неосновательно сбереженных денежных средств, составляющих плату за пользование земельным участком без надлежащим образом оформленного договора аренды. Ответчик, возражая против иска, указывал, что договор аренды не был заключен по вине государственного органа. Суд иск удовлетворил со ссылкой на п. 2 ст. 1102 ГК, указав, что вопрос вины в данном деле обсуждаться не должен (см. постановление ФАС СКО от 17.01.2005 N Ф08-6024/04). Аналогичного подхода придерживаются и другие окружные суды (см. постановления ФАС ВВО от 15.11.2001 N А11-2793/2001-К1-11/168, ФАС ЦО от 04.02.2003 N А62-159/00).

Из содержания п. 2 ст. 1192 ГК можно также сделать вывод о том, что при применении норм гл. 60 ГК не должна приниматься во внимание добросовестность участников правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения. Однако изучение судебных актов по вопросу о возможности применения понятия «добросовестность» в делах о взыскании неосновательного обогащения свидетельствует об обратном. В некоторых случаях суды отказываются удовлетворять исковые требования о взыскании неосновательного обогащения, ссылаясь на недобросовестное поведение истца. Например, по одному из дел истец предъявил требование о взыскании неосновательно сбереженной платы за пользование имуществом. Суд установил, что истец является собственником недвижимого имущества, которым пользуется ответчик. Между сторонами был заключен

договор аренды указанного имущества, однако он не был зарегистрирован в установленном законом порядке. Истец настаивал на том, что, пользуясь имуществом без должного правового основания и не внося плату за пользование, ответчик неосновательно сберег денежные средства за его, истца, счет.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен. Постановлением апелляционного суда решение отменено, в удовлетворении иска отказано. Суд указал, что истец имеет все документы, необходимые для государственной регистрации договора аренды, однако он не предпринял каких-либо действий по его регистрации. Суд счел такое поведение недобросовестным. Постановлением окружного суда апелляционное постановление было оставлено без изменения (см. постановление ФАС ЦО от 11.10.2006 N А08-5291/05-10).

В еще одном деле суд отказал во взыскании убытков, причиненных изменением стоимости имущества, составившего неосновательное обогащение, которое было невозможно возвратить в натуре по следующей причине: ответчик исполнил обязанность по возврату стоимости имущества, составляющего неосновательное обогащение, в непродолжительный срок с момента обнаружения факта обогащения. Суд признал такое поведение добросовестным, и это послужило основанием для отказа в иске (см. постановление ФАС СКО от 09.01.2007- N Ф08-6745/06).

Подобная практика также является неверной по причинам, которые были изложены нами выше. Существует еще один случай, когда суды при рассмотрении споров о взыскании неосновательного обогащения принимают во внимание добросовестность поведения участников соответствующих правоотношений. Это ситуация, когда истец возражает против истребования от него неосновательного обогащения в натуре, ссылаясь на то, что он является добросовестным приобретателем спорного имущества. Например, по одному из дел суд рассматривал требование о возврате неосновательно приобретенного цемента. Суд установил, что

⁶ См.: Галушкин А.А. К вопросу о повышении эффективности исполнения судебных решений и обеспечения установленного порядка деятельности судов в Российской Федерации на современном этапе // Правовая инициатива. 2013. № 4.

ответчик приобрел цемент, принадлежащий истцу, у третьего лица по возмездной сделке. При этом было установлено, что сделка, которая являлась основанием для приобретения ответчиком цемента, не признана в установленном порядке недействительной. Суд признал ответчика добросовестным приобретателем цемента и в иске о возврате неосновательного обогащения отказал (см. постановление ФАС ВВО от 14.04.2006- N А43-26622/2004-28-864).

В данном деле обращают на себя следующие обстоятельства. Во-первых, суд уклонился от рассмотрения вопроса о праве собственности на предмет иска – цемент. Правильным было бы, если бы суд признал, что ответчик приобрел право собственности на цемент (а это, собственно, и есть главное последствие добросовестного приобретения имущества от неуправомоченного отчуждателя), следовательно, право собственности истца на цемент прекратилось и вместе с этим прекратилось и его право на иск о неосновательном обогащении⁷. Таким образом, корректным основанием для отказа в иске было бы не добросовестное приобретение имущества, а возникновение у ответчика права собственности на это имущество⁸. Во-вторых, из текста постановления следует, что цемент был украден у истца. Следовательно, сам по себе факт добросовестного приобретения цемента не мог породить у ответчика права собственности, так как в соответствии со ст. 302 ГК собственник имеет право виндицировать имущество,

утраченное им против его воли, даже от добросовестного приобретателя. Таким образом, сама по себе ссылка на добросовестность при приобретении имущества также не будет иметь самостоятельного значения, так как помимо добросовестности для возникновения у приобретателя права собственности на спорное имущество необходим юридический состав (добросовестность и возмездность приобретения, выбытие вещи из владения собственника не против его воли).

Литература

1. Галушкин А.А. К вопросу о повышении эффективности исполнения судебных решений и обеспечения установленного порядка деятельности судов в Российской Федерации на современном этапе // Правовая инициатива. 2013. № 4.
2. Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и сфера частных интересов // Образование и право. 2012. № 12(40).
3. Грудцына Л.Ю. Народ, гражданское общество и Конституция // Государство и право. 2014. № 1.
4. Грудцына Л.Ю. Средний класс как основа формирования и развития гражданского общества // Образование и право. 2010. № 3(7).
5. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве / Дисс...канд. юрид. наук. – Иркутск, 2004. – С. 31-32.
6. Лагуткин А.В. Россия на распутье: куда пойдём? // Международный академический журнал Российской академии естественных наук. 2013. № 4.
7. Шиндяпина Е.Д., Бошно С.В. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юрист. 2006. № 7. С. 7.

⁷ См.: Грудцына Л.Ю. Средний класс как основа формирования и развития гражданского общества // Образование и право. 2010. № 3(7).

⁸ Грудцына Л.Ю. Народ, гражданское общество и Конституция // Государство и право. 2014. № 1.